

И стала мачеха на дѣтей злиться, стала и бить, да изъ дома гонять, да ѣдой обдѣлять и все только думала, какъ бы ихъ и совсѣмъ-то со свѣта сжить. Думала злая баба и надумала послать дѣтей въ дремучій лѣсъ къ бабѣ-ягѣ.

— Ступайте, — говоритъ, — милыя дѣтушки, къ моей бабушкѣ, что въ лѣсу живетъ въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ. Вы ей послужите, а она васъ всякимъ добромъ наградить, всякими сластями надѣлать.

Пошли дѣтушки-сиротинушки изъ дому, да Галя-то, не будь глупа, прежде къ родной своей бабушкѣ завернула и рассказала ей, такъ и такъ, вотъ куда насъ мачеха посылаетъ.

— Охъ, сиротинушки вы, горе-горькія, — говоритъ имъ старушка-бабушка, — крѣпко мнѣ васъ жаль, да помочь-то вамъ нѣтъ моей воли. Шлетъ васъ мачеха не къ своей бабушкѣ, а къ злой бабѣ-ягѣ. Смотрите же, дѣтушки, со всѣми будьте ласковы, никому грубаго слова не молвите, никого крошкой не обдѣлите, авось и васъ тоже не оставятъ безъ помощи!

Напоила бабушка внучатъ на дорогу молочкомъ, дала имъ по куску ветчины да по лепешкѣ за пазуху и отпустила въ дремучій лѣсъ.

Пришли дѣтки въ лѣсъ, видятъ—избушка на дужайкѣ на курьихъ ножкахъ стоитъ, на пѣтушьей головкѣ поворачивается. Дѣтушки - сиротинушки сильно испугались, спрятались за сосну и крикнули:

— Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а къ намъ передомъ!

Поворотилась избушка, и видятъ дѣтушки—лежитъ въ избушкѣ баба-яга, у порога голова, въ одномъ углу нога, въ другомъ другая, подъ самыя полати колѣнками упираетъ.

— Фу-фу-фу!—говорить навстрѣчу дѣтямъ баба-яга—Откуда это русскимъ духомъ запахло?

Лавро да Галя кланяются да другъ за дружку отъ страха хоронятся, говорятъ бабѣ-ягѣ:

— Здравствуй, бабушка, насъ къ тебѣ мачеха служить послала.

— Ну, что же, послужите, дѣтушки, послужите, сумѣете угодить—награжу, а не сумѣете—на лопату посажу, да и въ печь... Не прогнѣвайтесь.

И задала она Галѣ пряжи съ коробъ спрясть, а Лавру воды на баню рѣшетомъ натаскать.

Сидитъ Галя за пряткою и плачетъ; а къ ней изъ норокъ сбѣжались мышки. шипятъ:

— Дѣвочка, дѣвочка, что ты плачешь?

Дай намъ лепешки, мы тебѣ добренько скажемъ.

Она дала имъ лепешки.

— Есть у бабы-яги котъ; поди-ка, дай ему ветчинки, онъ тебѣ отсюда путь укажетъ, а мы за тебя всю пряжу спрядемъ.

Пошла дѣвочка кота искать и видитъ въ окно бани — братаецъ бьется, никакъ рѣшетомъ воды натаскать не можетъ. И летятъ мимо птички-синички, щебечутъ дѣткамъ:

— Дѣтушки милыя, дайте намъ крошечекъ, мы вамъ добренько скажемъ.

Насыпали имъ сиротинушки крошечекъ, поклевали ихъ птички, сами щебечутъ:

— Глинкой да слюнкой, дѣтушки, глинкой да слюнкой!

Поняли Галя да Лавро, какъ рѣшетомъ воду носить. въ рѣшето поплевали, глинкой замазали и воды полонъ ушатъ натаскали.

Приходятъ въ избѣ и кота встрѣчаютъ. Покормили его ветчинкой, погладили, спрашиваютъ:

— Котинька сѣренькій, какъ намъ отъ бабы-яги уйти?

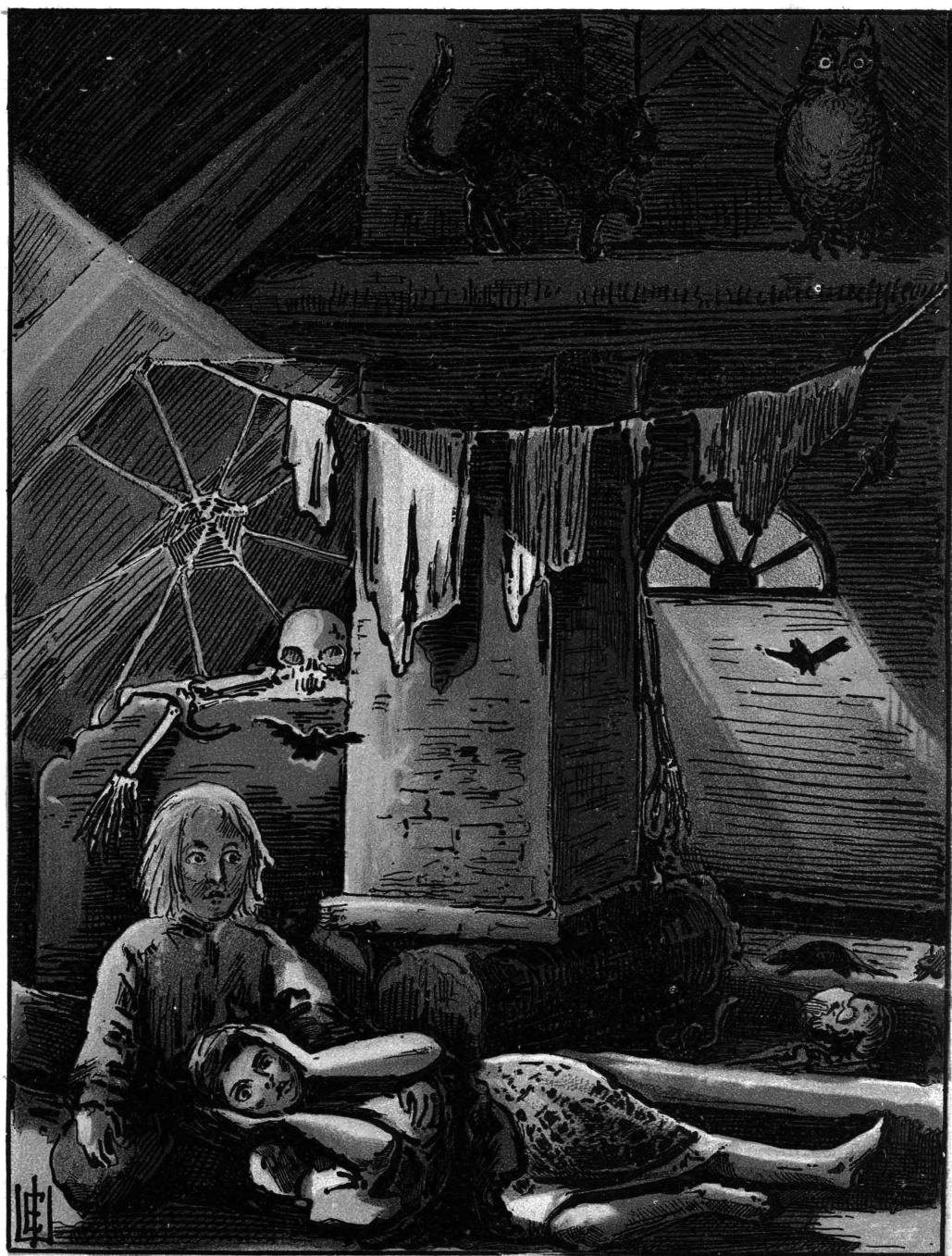
— А вотъ, — говоритъ имъ котъ, — возьмите это полотенце и гребень. Какъ погонится за вами баба-яга да слышите вы ее близко, такъ бросьте за спину полотенце, — и протечетъ позади васъ глубокая да широкая рѣка. Коли станетъ она въ другой разъ нагонять — бросьте за спину гребень, — и подыметъ сзади васъ дремучій, темный лѣсъ, сквозь него ужъ ей не пробраться.

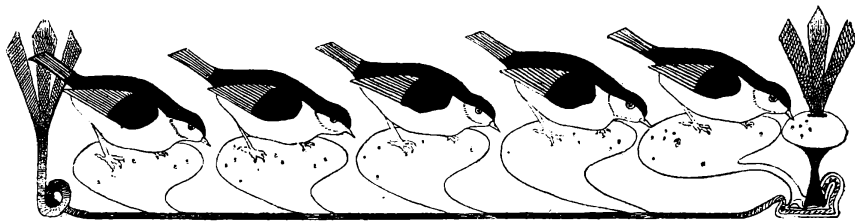
Вернулась домой баба-яга, смотреть — все сдѣлано, и говоритъ дѣткамъ:

— Ну, на сегодня справили вы все, какъ слѣдуетъ, а на завтра задамъ вамъ задачи потруднѣе, не исполните — не прогнѣвайтесь...

Баба-яга послала спротинушекъ спать на чердакъ,—
дѣти ни живы ни мертвы...

При лунномъ свѣтѣ видятъ они всякія страсти: изъ темныхъ угловъ глядятъ на нихъ черепа, всякіе гады ползутъ по стѣнамъ; сова большущая такъ и смотритъ, какъ бы выколоть имъ глаза, и если бы не вѣрный другъ, черный котъ, то дѣти умерли бы со страха. Дрожатъ они, бѣдняжки, громко дохнутъ не смѣютъ. ждуть—не дождутся утра.

Чуть разсвѣтъ, баба-яга имъ задала еще труднѣе работы: вдвое напярсть да дровъ на баню нарубить, и ушла въ лѣсъ.

Схватили дѣтки гребешокъ съ полотенцемъ, взялись за руки, да и давай Богъ ноги!

Ихъ хотѣли было собаки на дворѣ рвать, они имъ лепешечки дали; ворота хотѣли было передъ ними захлопнуться, да спротинушки имъ подъ пяточки маслица подлили; хотѣла было имъ березка придорожная, глаза вѣткой выхлестнуть, да Галя ее ленточкой перевязала... Такъ всѣ ихъ и пропустили, и выбѣжали они въ чистое поле изъ лѣсу.

